

*Любимый детектив
Английской королевы*

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство
вкуче с постыдным социальным казусом –
и она напишет такой викторианский детектив,
которому позавидовал бы сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан Дойля
может так красочно воспроизвести атмосферу
викторианского Лондона, так точно прорисовать
его детали и воссоздать настроение
той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Элт Перри,
то вы можете смело рассчитывать на то,
что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питтах

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановер-клоуз
Казнь на Вестминстерском мосту
Пожар на Хайгейт-райз
Скандал на Белгрейв-сквер
Невидимка с Фэрриерс-лейн
Палач из Гайд-парка
Врата изменников

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо
Опасная скорбь

Энн
Терри

Опасная скорбь

МОСКВА
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry
A DANGEROUS MOURNING

Copyright © 1991 Anne Perry

Перри, Энн.
П27 **Опасная скорбь / Энн Перри ; [пер. с англ. А.И. Кириченко]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Любимый детектив английской королевы).**

ISBN 978-5-699-89326-3

В семье высокопоставленного лондонского политика сэра Бэзила Мюндора — страшная трагедия. Посреди ночи кто-то убил его любимую дочь Октавию, ударив ножом в грудь в собственной спальне. Неслыханное преступление! Поэтому расследовать его поставили самого блестящего сыщика столичной полиции Уильяма Монка. Поначалу наиболее очевидной версией случившегося казалось проникновение в дом грабителя, который неосторожно разбудил Октавию и был вынужден ее убить. Но затем Монк неопровержимо доказал, что извне в дом попасть никто не мог. А стало быть, это дело рук одного из домочадцев — слуг или родственников. Дело сразу же приобрело особый оборот...

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

**© Кириченко А. И., перевод
на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016**

ISBN 978-5-699-89326-3

*Джону и Мэри Маккензи,
а также моим друзьям в Олнесс,
за то, что приютили меня*

Глава 1

— Доброе утро, Монк, — сказал Ранкорн, и на его крепком длинном лице отразилось удовлетворение. Воротничок начальника был несколько перекошен и причинял ему постоянные неудобства. — Отправляйтесь на Куин-Энн-стрит. Сэр Бэзил Мюидор. — Он произнес это имя с таким видом, словно оно было известно ему уже давно, и взглянул на Монка, как бы ожидая, что тот немедленно осознает свое невежество. Не дождавшись, продолжил, не скрывая раздражения: — Октавия Хэслетт, вдовья дочь сэра Бэзила, найдена мертвой. Зарезана. Такое впечатление, будто грабитель искал драгоценности, а она проснулась и застала его на месте преступления. — Улыбка Ранкорна стала несколько напряженной. — Вы ведь полагаете, что всем прочим сыщикам до вас далеко. Так вот, ступайте и постарайтесь справиться с этим делом как можно лучше. Не так, как с делом Грея.

Уильям Монк прекрасно понимал, о чем идет речь. Не дай бог огорчить семейство, ибо они благородны, а ты нет. Будь безупречно вежлив — не только

в беседе, но и в том, как ты перед ними стоишь, как глядишь им в глаза; а самое главное — не раскопай ненароком лишнего.

Выбора у Монка не было, и он выслушал Ранкорна с деланным равнодушием, словно не поняв последнего намека.

— Да, сэр. Номер дома на Куин-Энн-стрит?

— Номер десять. Возьмите с собой Ивэна. Надеюсь, к тому времени, как вы туда попадете, медицинское заключение относительно времени смерти и орудия убийства будет уже готово. Ну же, пошевеливайтесь! Не топчитесь на месте!

Монк резко повернулся и, не давая Ранкорну возможности прибавить что-либо еще, вышел, негромко процедив: «Да, сэр». Дверь за собой он закрыл с силой — почти захлопнул.

Джон Ивэн поднимался по лестнице навстречу. На его выразительном подвижном лице ясно читалось ожидание.

— Убийство на Куин-Энн-стрит. — Раздражение Монка уже улеглось.

Вряд ли он мог припомнить кого-либо, кто бы нравился ему больше, чем Ивэн. А если учесть, что память Уильяма простиралась лишь на четыре месяца назад, когда, очнувшись в больнице, он принял ее поначалу за работный дом, дружеская поддержка Ивэна имела для него необычайную ценность. Только Джону да еще одному человеку Монк решился открыть, что ничего не помнит из прежней своей

жизни. Впрочем, эту вторую персону — Эстер Лэттерли — он никак не мог назвать другом. Храбрая и умная, она безумно раздражала Монка своим самомнением, хотя и сильно помогла ему в расследовании убийства Грея¹. Ее отец оказался одной из жертв Грея, и Эстер, чтобы поддержать свою семью в горестный час, была вынуждена еще до окончания войны вернуться из Крыма, где работала в госпитале сестрой милосердия. Пути Монка и Эстер разошлись; встретиться с ней он мог разве что на суде по делу Грея, где оба собирались выступить свидетелями, и, по правде говоря, это его вполне устраивало. Уильям находил Эстер резкой и неженственной, не в пример ее невестке, чье лицо часто вспоминал с нежностью.

Ивэн повернулся и последовал за Монком вниз по лестнице, а затем через комнату дежурного — на улицу. Стоял светлый день позднего ноября. Ветер трепал широкие женские юбки; мужчины пригибались, придерживая шляпы; те и другие с трудом лавировали среди мчащихся по мостовой экипажей, рискуя угодить под колеса. Ивэн окликнул кеб — экипаж, появившийся на улицах лет десять назад и куда более удобный, чем все эти старомодные кареты.

— Куин-Энн-стрит, десять, — бросил он вознице.

Как только они с Монком уселись, кеб рванулся вперед — через Тоттенхэм-Корт-роуд, потом восточ-

¹ Здесь и далее: авторские ретроспективы относятся к событиям, описанным в романе «Чужое лицо».

нее — к Портленд-плейс, Лангхем-плейс и, наконец, выкатил на Куин-Энн-стрит. По дороге Уильям успел рассказать Ивэну все, что услышал от Ранкорна.

— Кто такой сэр Бэзил Мюйдор? — поинтересовался Джон.

— Понятия не имею, — отозвался Монк. — Ранкорн мне не сказал. Либо он сам не знает, либо надеется, что при личном знакомстве мы наделаем ошибок.

Ивэн улыбнулся. Уж кому-кому, а ему-то было хорошо известно как о напряженных отношениях Монка с начальством, так и об их причинах. С инспектором было трудно работать: самоуверенный, тщеславный, он часто действовал интуитивно, игнорируя здравый смысл, а потому был скор на язык и резок в суждениях. С другой стороны, он страстно боролся с несправедливостью везде, где только замечал ее, не терпел глупцов и в прошлом даже не думал скрывать, что относит к их числу и самого Ранкорна.

Ранкорн тоже был тщеславен — правда, цели он себе ставил совершенно иные. Ему хотелось общественного признания, похвал от начальства, но прежде всего — уверенности в завтрашнем дне. Немногочисленные победы над Монком доставляли ему наслаждение, и Ранкорн наверняка не уставал с удовольствием о них вспоминать.

Сыщики ехали по Куин-Энн-стрит среди домов с неброскими, но изящными фасадами, высокими окнами и внушительными подъездами. Кеб остановил-

ся, Ивэн расплатился с возницей, и сыщики направились к черному ходу дома номер десять. Обидно, конечно, пересекать внутренний двор вместо того, чтобы постучать в двери парадного подъезда, но куда обиднее было бы встретить отказ ливрейного лакея с надменно задранным носом и вновь вернуться к задним дверям.

— Что вам угодно? — серьезно спросил мальчишка-слуга. Лицо у него было бледное, одутловатое, фартук сидел криво.

— Инспектор Монк и сержант Ивэн хотели бы видеть лорда Мюйдора, — тихо ответил Уильям. Как бы он там ни относился к Ранкорну и прочим, с его точки зрения, глупцам, скорбь и ужас внезапной смерти всегда вызывали в нем чувство сострадания.

— О... — Слуга вздрогнул, будто с приходом полиции кошмар внезапно обернулся страшной реальностью. — О... да. Вы бы лучше зашли. — Он приоткрыл дверь пошире и сделал шаг назад; потом, полуобернувшись, позвал жалобно и отчаянно: — Мистер Филлипс! Мистер Филлипс, тут полиция пришла!

В дальнем конце огромной кухни появился дворецкий. Он был худой и слегка сутулился, однако его властное лицо говорило о том, что человек этот привык распоряжаться и встречать беспрекословное повиновение. С тревогой и отвращением он оглядел Монка, затем — с некоторым удивлением — его прекрасно сидящий костюм, безупречно накрахмаленную рубашку и начищенную до блеска обувь из до-

бротной кожи. Внешний вид Монка явно не соответствовал его положению в обществе. Полицейский, в понимании дворецкого, занимал на общественной лестнице ту же ступень, что и уличные торговцы. Мистер Филлипс перевел взгляд на тонкое лицо Ивэна — длинный нос с горбинкой, благородных очертаний рот, умные глаза — и ощутил еще большую растерянность. Дворецкий чувствовал себя не совсем уверенно, когда видел, что люди не вписываются в отведенную им нишу. Это сбивало с толку.

— Сэр Бэзил примет вас в библиотеке, — сухо сказал он. — Будьте добры следовать за мной.

И, не дожидаясь реакции полицейских, вышел из кухни, даже не взглянув на кухарку, сидевшую в деревянном кресле-качалке.

Они прошли за дворецким по коридору мимо подвала, кладовой, буфетной, прачечной, мимо комнаты экономки — к обитой зеленым сукном двери, ведущей на господскую половину.

Паркетный пол прихожей покрывали роскошные персидские ковры, стены с деревянными панелями были увешаны прекрасной работы пейзажами. Какое-то смутное воспоминание о давних временах кольнуло Монка (возможно, подробность дела о каком-то ограблении), и в памяти возникло слово «фламандцы». Жизнь его до несчастного случая была полностью им забыта, и лишь иногда появлялись такие вот мимолетные вспышки памяти, подобные движению, которое поймал, бывало, краем глаза,

а обернешься — и оказывается, что оно тебе только почудилось.

Но сейчас, следуя за дворецким, Монк старался не отвлекаться и целиком сосредоточиться на предстоящем деле. Он обязан был успешно справиться с заданием и ни в коем случае не позволить никому догадаться, сколь многое из того, что должно быть ему хорошо известно, в сущности, заново собирается им по крупицам. Его репутация безупречна; все ожидают от него блестящей работы. Уильям постоянно видел это в глазах окружающих, это отчетливо звучало в их словах; коллеги, судя по некоторым случайным фразам, считали его талант чем-то само собой разумеющимся. Но Монк знал, что у него слишком много врагов, с нетерпением ждущих малейшей ошибки. Они тоже хвалили его, но с какой-то странной интонацией, нервничая и отводя глаза. О причинах же такого отношения, о своих собственных поступках, вызывавших в них страх, зависть и неприязнь, Монк узнавал постепенно. То и дело он сталкивался со свидетельствами своего бывшего мастерства, чутья, неустанного поиска истины, неслыханной работоспособности, непомерного честолюбия, нетерпимости к бездарям и лентяям. И, в конце концов, даже после несчастного случая, лишившего его памяти, он сумел справиться с исключительно трудным делом Грея.

Они подошли к библиотеке. Филлипс открыл дверь, доложил об их прибытии и отступил в сторону, пропуская сыщиков.

Стены библиотеки, как и следовало ожидать, были увешаны книжными полками. Сквозь единственное большое окно на зеленый ковер и предметы обстановки лился умиротворяющий свет, создавая почти идиллическое настроение. Однако рассмотреть все подробно не было времени. Посреди комнаты стоял сэр Бэзил Мюидор. Имея высокий рост и при этом не склонный к полноте, он держался удивительно прямо. Далеко не красавец, и никогда им не был: слишком подвижное лицо, большой рот. Глубоко прорезанные морщины говорили скорее о темпераменте, нежели о стремлении к острословию. Пугающе темные глаза смотрели пытливо и умно. Густые прямые волосы обильно припорошила седина.

Бледный, исполненный гнева и горя, он нервно сжимал и разжимал кулаки.

— Доброе утро, сэр. — Монк представился, затем представил Ивэна.

Ему всегда было трудно говорить с теми, кто только что понес тяжелую утрату. Вид человека, потерявшего ребенка, пугал Уильяма, но работа есть работа. И хотя память о прошлом стерлась, чувство, возникающее при виде чужой боли, было ему щемяще знакомо.

— Доброе утро, инспектор, — машинально ответил Мюидор. — Будь я проклят, если представляю, чем вы сможете тут помочь, но хотя бы попытайтесь. Ночью какой-то бандит вломился в дом и убил мою дочь. Не знаю, что мы еще можем вам сообщить.

— Вы позволите нам осмотреть комнату, где это случилось, сэр? — тихо спросил Монк. — Доктор уже прибыл?

Тяжелые брови сэра Бэзила недоуменно вздернулись.

— Да... Но, право, не знаю, что, черт возьми, он теперь сможет сделать!

— Он сможет установить время и причину смерти, сэр.

— Ее зарезали ночью. И незачем звать доктора, чтобы это выяснить.

Лорд Мюидор набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Взгляд его блуждал по комнате, Монк не вызывал в нем ни малейшего интереса. Полицейские являлись лишь неизбежными атрибутами трагедии, а сам сэр Бэзил был слишком потрясен, чтобы сосредоточиться на какой-то одной мысли. Он то разглядывал покосившуюся на крюке картину, то солнце на корешках книг, то вазу с поздними хризантемами. Уильям видел лицо этого человека и прекрасно его понимал.

— Нас проводит кто-нибудь из слуг. — Он принес извинения за себя и за Ивэна, затем повернулся, собираясь выйти.

— О... да. И все, что вам будет угодно, — отозвался Бэзил.

— Я полагаю, вы ничего не слышали этой ночью, сэр? — уже стоя в дверях, спросил Ивэн.

Лорд Мюидор нахмурился.

— Что? Нет, конечно, нет, иначе я упомянул бы об этом.

Сержант еще не перешагнул порог, а сэр Бэзил уже забыл о них и уставился на шелестящую за окном листву.

Дворецкий Филлипс ожидал в холле. В молчании он провел их по широкой изогнутой лестнице на второй этаж. Устланный коврами красных и голубых тонов коридор простирался вправо и влево футов на пятьдесят с лишним и заканчивался эркерными окнами с каждой стороны. Вдоль стен были расставлены столики. Вслед за дворецким полицейские свернули влево и остановились у третьей двери.

— Вот комната мисс Октавии, сэр, — тихо произнес Филлипс. — Позвоните, если что-нибудь понадобится.

Монк открыл дверь и вошел; Ивэн последовал за ним. Высокий, украшенный лепниной потолок, роскошные люстры. Шторы с цветочным рисунком отдернуты для лучшего освещения. Три стула с прекрасной обивкой, туалетный столик с трельяжем и большая кровать с пологом на четырех столбиках. Поперек кровати лежало тело молодой женщины, одетой лишь в ночную рубашку цвета слоновой кости, испачканную темно-красными пятнами от груди и почти до колен. Руки ее были широко раскинуты, тяжелые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Рядом с ней Монк, к своему удивлению, увидел стройного мужчину среднего роста. Умное лицо не-

знакомца было печально и задумчиво. Его белокурые волосы искрились в солнечном свете.

— Полиция? — переспросил он, оглядев Монка с ног до головы, и представился сам: — Доктор Фаверелл. Дежурный констебль пригласил меня, как только его самого вызвал сюда лакей — около восьми часов утра.

— Итак, — Монк назвал свое имя и поклонился. — Что вы можете сказать нам с сержантом Ивэном?

Ивэн прикрыл за собой дверь и подошел к кровати; на его лице застыла гримаса жалости.

— Она скончалась этой ночью, — мрачно ответил Фаверелл. — Судя по состоянию тела, по меньшей мере семь часов назад. — Он достал из кармана часы и взглянул на циферблат. — Сейчас десять минут одиннадцатого. Стало быть, смерть наступила, ну, скажем, в три часа ночи, не позже. Одна очень глубокая, скорее всего, колотая рана. Бедняжка должна была лишиться сознания немедленно и расстаться с жизнью в течение двух-трех минут.

— Вы — семейный врач? — спросил Монк.

— Нет. Я живу за углом на Харли-стрит. Местный констебль знает мой адрес.

Монк направился к кровати, чтобы осмотреть тело поближе, и Фаверелл посторонился, давая ему дорогу. На лице покойной застыло удивленное выражение, словно она так до конца и не верила в реальность смерти. Несмотря на мертвенную бледность, Октавия Хэслетт оставалась красавицей. Изящно вы-